

*Пушкин С. Н., д.филол.н., профессор
Pushkin S.N., Philosophy Doctor, professor
Нижегородский государственный педагогический университет
им. Козьмы Минина, Нижний Новгород, Россия
Kozma Minin State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, Russia
Ипатова И.С., к.п.н., доцент
Irina S. Ipatova I.S., PhD, associate professor
Приволжский филиал Российской академии правосудия, Нижний Новгород, Россия
Privolzhsky Branch of Russian Academy of Justice, Nizhny Novgorod, Russia
spushkin1949@mail.ru*

**ЕВРАЗИЙЦЫ О РОССИИ-ЕВРАЗИИ:
МЕСТО РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ
EURASIANS ABOUT RUSSIA-EURASIA
AS A LANGUAGE AND CULTURE TOPOGENESIS**

Аннотация: мечтавшие о великом будущем России евразийцы многое делали для сохранения и развития языка и культуры своего Отечества. Одними из первых русских мыслителей они уделили внимание проблеме его языкового и культурного своеобразия. Почувствовав опасность подмены духовных ценностей ценностями утилитарными, евразийцы в 20 - 30-х годах XX века предпринимают оригинальную попытку ответа на один из серьезнейших вызовов века XXI.

Abstract: dreaming about Russia's great future Eurasian thinkers did much for preserving and developing the language of their fatherland. As pioneers, they paid their attention to its lingual and cultural singularity. Experiencing a danger of spiritual values replacement by utilitarian values, in the 20-30's of the XX century Eurasians made an original attempt to respond to one of the most formidable challenge of the XXI century.

Ключевые слова: Россия-Евразия, месторазвитие, культура, язык, православие, духовность, славяне, туранцы.

Keywords: Russia-Eurasia, toponogenesis, culture, language, Orthodoxy, spirituality, the Slavs, the Turanians.

В своих исходных воззрениях евразийцы полагали, что «все цивилизации являются в некоторой степени результатом географических факторов» [Вернадский 1997: 12]. Именно в этой связи они обосновывали важнейшее для себя понятие «Евразия». Для них Россия не просто страна в ряду других крупных стран Европы и Азии. Россия-Евразия – это единая мощная цивилизация. А потому евразийцы полагают неверным, ошибочным деление ее на две части – Европейскую и Азиатскую. И по ту, и по другую сторону от Урала находятся те же самые почвенно-ботанические и климатические зоны, главным образом, лесов и степей, «сыгравших одинаково важную роль в развитии русского народа» [Вернадский 1997: 10 - 11].

При этом лес, как правило, был представлен славянами, а степь – туранцами, народами «урало-алтайской группы». Между степью и лесом складываются различного рода связи. Формируются отличающиеся характерными особенностями этносы. Вместе с тем Россию-Евразию можно рассматривать и как антропологическое целое. Ибо в русских жилах вместе со славянской течет и туранская кровь. Неудивительно, что характер русского народа имеет сходство с национальными особенностями как славянского запада, так и туранского востока. Именно здесь, по убеждению евразийцев, получило развитие братство народов, их тяга к политическим, экономическим, культурным объединениям. Все это, по мнению Н.С. Трубецкого, постоянно подталкивало народы к созданию единого государства, в котором бы формировались и взаимообогащались различные национальные культуры. «Евразийский мир, – писал он, – представляет из себя замкнутое и законченное географическое, хозяйственное и этническое целое, отличное как от собственно Европы,

так и от собственно Азии» [Трубецкой 1995: 258]. Россия-Евразия объединила населяющие ее народы в единое целое.

Однако евразийцев возмущало, что этнические корни русского народа рассматривались российским образованным обществом как исключительно славянские. «Мы склонны были всегда выдвигать наше славянское происхождение, замалчивая наличность в нас туранского элемента, даже как будто стыдясь этого элемента, – писал Н.С. Трубецкой. – С этим предрассудком пора покончить» [Трубецкой 1995: 141]. Усматривать в туранском влиянии только негативные черты, с точки зрения евразийцев, неверно. Русский народ должен гордиться туранскими корнями отнюдь не в меньшей мере, чем славянскими. Без этого нельзя выработать ни личного, ни национального самосознания.

Великая историческая миссия России-Евразии обусловлена объединением не только славян, но и туранцев. Начало этому положили московские князья после изгнания монголо-татар. «Настоящими государственными правителями они сделались лишь тогда, – пишет Н.С. Трубецкой, – когда от “собирания русской земли” перешли к “собиранию земли татарской” – к покорению под свою центральную власть отдельных разрозненных и обособившихся частей северо-западного улуса монгольской империи (бывшего улуса Золотой Орды)» [Трубецкой 1995: 230]. Однако евразийцы постоянно подчеркивают: Россия-Евразия сформировалась не в результате насильственной русификации, а «путем братания русских с инородцами».

Таким образом, в отличие от своих предшественников славянофилов, по существу, отождествлявших русских и славян, евразийцы полагали, что русские – это единство славянского и туранского этносов. Своеобразие, неповторимое единство, а не механическое соединение. «Надо осознать факт: *мы не славяне и не туранцы (хотя в ряду наших биологических предков есть и те и другие), а – русские,* – утверждали мыслители и уточняли. – ...Мы должны констатировать *особый этнический тип*, на периферии сближающийся как с азиатским, так и с европейским...» [Савицкий 1995: 256]. Подобного рода рассуждения неизбежно подводили их к выводу, что русские – не европейцы (славяне) и не азиаты (туранцы), а евразийцы.

Мечтавшие о великом историческом будущем России-Евразии мыслители постоянно высказывали идею о важности сохранения и охранения «месторазвития», представляющего, по их мнению, симбиоз исторического и географического мира. «Евразийское “месторазвитие”, по основным свойствам своим, – указывает П.Н. Савицкий, – приучает к общему делу» [Савицкий 1997: 302]. Важнейшей же его особенностью было не столько свободное объединение и обширных географических, природных пространств, и населяющих их этносов, сколько взаимное обогащение языка и культуры славян и туранцев.

При этом славяне для евразийцев – понятие, в первую очередь, не этнографическое или этнопсихологическое, и даже не культурно-историческое, а лингвистическое. В частности, «о древнейшем облике наших славянских предков мы, – пишет Н.С. Трубецкой, – можем составить себе некоторое представление лишь по данным языка» [Трубецкой 1997: 200]. Им подвергается содержательному анализу «общеславянский язык» как основа всех славянских языков. Определяя его потомком «общеиндоевропейского языка», мыслитель приложил значительные усилия по его восстановлению.

Указывая, что в индоевропейском праязыке издавна образуются существенно различающиеся диалекты, Н.С. Трубецкой усматривает в них основы для формирования в последующем самостоятельных славянских языков. Заявляя, что праславянский диалект изначально занимал «некоторое срединное положение», мыслитель определяет его наиболее вероятные векторы развития: запад, юг, восток. В результате и образовались западные, южные и восточные славяне, которые были связаны, в первую очередь, лингвистически – общностью праславянского диалекта.

Следует заметить, что научное наследие Н.С. Трубецкого как историка языка, слависта, теоретика структурализма, активного деятеля Московского лингвистического кружка и одного из основателей Пражской фонологической школы оказало огромное влияние на

развитие не только российской, но и мировой лингвистики. По сути, Н.С. Трубецкому принадлежит ведущая роль в становлении лингвистики в качестве особой научной дисциплины. Его идеи, обогатившие славистику (особенно в области праславянского, древнерусского и западнославянских языков), и уникальные открытия в области кавказских, палеоазиатских (ительменского, корякского, самодийского, чукотского) и угро-финских языков послужили развитию индоевропеистики в целом.

Вместе с тем евразийцев прежде всего интересовали восточные славяне, которые, выбирая между западом и Византией, выбрали Византию. Во многом благодаря, как отмечал неоевразиец Л.Н. Гумилев, положительной комплиментарности, раскрывающей, как у разных этносов «могут не только усиливаться взаимные симпатии, но и сформироваться единые для всехжизненные цели» [Пушкин 2007: 82]. На русской почве Византийская культура хорошо усваивалась и развивалась, тогда как культура с запада слабо «вдохновляла национальное творчество» русских творцов.

Воспринимая Россию-Евразию целостным и обособленным месторазвитием, евразийцы призывали рассматривать ее как единую языковую и культурную среду, а не как особые, хотя и соприкасающиеся миры. Во многом благодаря восточным славянам, которые «являлись верными потомками своих доисторических предков – тех носителей праславянского диалекта индоевропейского праязыка, которые, как показывает изучение словаря, – уверяет Н.С. Трубецкой, – не чувствовали духовной близости к западным индоевропейцам и в духовном отношении ориентировались на восток» [Трубецкой 1997: 211]. Основываясь на этом, евразийские мыслители называли себя «осознателями» национально-культурного своеобразия.

Неудивительно, что они весьма негативно воспринимали осуществленную Петром I европеизацию, в результате которой произошло размежевание людей, которого ранее в России никогда не было. «Верхи» – высшие классы – относились к русскому народу как к материалу, пригодному лишь для создания европейской державы. «Низы» – народные массы – жили самобытной жизнью, «питающейся единственно силами русской национальной души». По мере дальнейшего продвижения европеизации пропасть между «верхами» и «низами» увеличивается. А это, утверждали мыслители, порождает «формы грубой ненависти» народа к господам и барам. Говорящие на русском и европейских языках, они часто элементарно не понимали друг друга.

Между отдельными социальными группами все чаще возникают значительные «социально-культурные разрывы и пропасти». Обостряются противоречия между поколениями. Отцы и дети перестают слышать друг друга. «Процесс европеизации разрушил всякое национальное единство, – с горечью констатирует Н.С. Трубецкой, – изрыл национальное тело глубокими ранами, посеял рознь и затаенную вражду между всеми» [Трубецкой 1995: 87 - 88]. Каждое последующее поколение стремится синтезировать свою и чужую культуру. А в результате вынуждено жить в совершенно особой культурной среде, отличной и от предшествующей, и от последующей.

Религиозно-духовные идеалы сохранились преимущественно среди народа, оставшегося верным отечественным святыням. И в их ряду одно из важнейших мест занимало русское православие. Поэтому своего высшего развития русская культура, по мнению евразийских мыслителей, может достичь лишь во вселенской православной церкви. Ибо, будучи средоточием русской культуры, она, утверждали евразийцы, распространяется как на земную, так и на небесную жизнь, тем самым объединяя их.

Уделяя повышенное внимание христианству, евразийцы исходили из того, что христианство, прежде всего, – фермент, а не элемент национальной культуры. А поэтому оно способно эффективно стимулировать ее развитие, без каких бы то ни было посягательств на культурную самобытность и своеобразие. «По существу, религия создает и определяет культуру; и культура есть одно из проявлений религии, – внушал П.Н. Савицкий, – а не наоборот, как твердят до сих пор плохие учебники» [Савицкий 1997: 36]. В этой связи именно православие создало единую евразийскую культуру.

Евразийцы утверждали: «Православная русская Церковь эмпирически и есть русская культура, становящаяся Церковью. Этой целью и вытекающими из нее задачами определяется существо русской культуры» [Савицкий 1997: 35]. Религиозно-культурное единство для России значительно важнее, чем «русская в узком смысле этого слова культура». Первое представляет Россию-Евразию, вторая – СССР, который в значительной мере утратил ранее присущий русскому народу религиозно-духовный потенциал. А ведь именно Россия-Евразия, а не СССР и есть социально-культурный идеал евразийцев.

Евразийские мыслители постоянно повторяли, что любое отождествление евразийства и большевизма неверно. Их «сходство только внешнее, формальное, – писал Н.С. Трубецкой. – Внутренние движущие мотивы большевизма и евразийства диаметрально противоположны» [Трубецкой 1995: 358]. Культуру, подлежащую замене, большевики называют «буржуазной», а евразийцы – «романо-германской». Формирующаяся же культура для большевиков – пролетарская, а для евразийцев – национальная. Создается она, с точки зрения большевиков, политическим классом, а по утверждениям евразийцев, этносом или нацией.

Евразийцы противопоставляли политический и народный большевизм. В отличие от первого, второй, с их точки зрения, подразделял общество не столько на бедных и богатых, сколько на своих и чужих в культурном отношении. «В России эпохи европеизации, – отмечал Н.С. Трубецкой, – никто не чувствовал себя совсем “в своем доме”: одни жили как бы под иноземным игом, другие – как бы в завоеванной ими стране или в колонии» [Трубецкой 1995: 245 - 246]. Из «развалин старой России», по словам евразийцев, следует выбираться, опираясь на культурно-творческие потенции русского духа. Только так Россия-Евразия сможет сбросить оковы романо-германской культуры.

Понятно, что евразийцев не могли не возмущать заявления о необходимости широкого и бесконтрольного проникновения европейской культуры в Россию. Ибо в этом случае она только повторение, копия Европы. И, конечно, в этом случае ее вклад в мировую культуру мог быть самым минимальным. «Кому интересны зады европейской цивилизации, – вопрошал П.Н. Савицкий, – когда можно обратиться к передовым ее представителям? И может ли существовать настоящий пафос культурного творчества там, где основной задачей является уподобление этим передовым представителям, где подражательность, а не творчество является законом жизни?» [Савицкий 1997: 100].

Намереваясь в этой связи осознать «существо всякой культуры», евразийские мыслители стремятся к освобождению от культурной гегемонии Европы. П.Н. Савицкий указывал, что «евразийство сводится к стремлению осознать и осмыслить совершающийся и совершившийся выход России из рамок современной европейской культуры» [Савицкий 1997: 113]. Важно подчеркнуть, что данный процесс выстраивался мыслителями главным образом не на переживаниях и эмоциях, а на серьезном культурологическом осмыслении наблюдаемых процессов и явлений. «Евразийская концепция, – повторяли они, – знаменует собою решительный отказ от культурно-исторического “европоцентризма”» [Савицкий 1995: 88].

В конечном итоге, евразийцы определяли Россию как «страну наследницу», заимствовавшую и сохранившую традиции многих стран, в том числе и давно покинувших мировую историческую сцену. «Святоотеческая литература, письменность аскетическая, воплотившая в себе все лучшие традиции освоенного православную мыслью духа эллинской философии, были той средой, – указывал Г.В. Флоровский, – в которой формировался и оттачивался древнерусский культурный идеал» [Флоровский 1922: 274]. При этом евразийцы особое внимание обращали на то, что «все эти унаследованные Россией традиции только тогда становились русскими, когда сопрягались с Православием» [Трубецкой 1995: 207]. Даже русский литературный язык, утверждали они, представляя собой модернизированную и обрусевшую форму церковнославянского языка, утвердился в России, в первую очередь, из-за своей церковной, а не славянской принадлежности.

Уделяя большое внимание проблеме сохранения культурного своеобразия России, евразийцы – одни из первых русских философов XX века – остро почувствовали опасность подмены духовных ценностей ценностями утилитарными. Ощущая нарастание бездуховности, они крайне отрицательно относились к надвигающейся на Россию романо-германской культуре, позиционируемой ее идеологами как культура общечеловеческая. Евразийские мыслители постоянно подчеркивали, что выдавать европейскую цивилизацию за общечеловеческую – значит интернационализировать ее, с чем они, конечно, согласиться не могли.

Подобного рода попытку Н.С. Трубецкой обнаруживает в библейском сюжете о строительстве вавилонской башни. Возводя башню до неба, впавшие в гордыню люди противопоставили себя Богу – и Бог смешал их языки. Утратив же общий для всех язык, перестав понимать друг друга, люди были вынуждены прекратить строительство башни. Попытка возвыситься до Бога не удалась. Основываясь на этом библейском сюжете, мыслитель приходит к выводу, что и многоязычие, и множество культур – результат божьей воли. А поэтому «законы эволюции народов устроены так, – убежден Н.С. Трубецкой, – что неминуемо влекут за собой возникновение и сохранение национальных отличий в области языка и культуры» [Трубецкой 1995: 327]. Любые же попытки уничтожения языкового и культурного многообразия ведут человечество только к оскудению и гибели.

Отрицая единую линию мирового развития, евразийцы рассматривали стареющую европейскую цивилизацию как одну из локальных. Выдаваемая за мировую, она, с их точки зрения, представляет серьезную угрозу для всего человечества. Жизненные силы ее явно на исходе, она в достаточно скором времени должна погибнуть. Присоединиться к ней опасно. Таким образом, критикуя европоцентристскую схему развития мировой истории, евразийские мыслители заявляли, что бурное развитие европейской культуры XV - XIX веков не может продолжаться вечно. Рано или поздно германо-романскую Европу должны сменить Америка, Азия или Африка. Но наибольшие шансы, по убеждению евразийцев, у России-Евразии.

В этой связи евразийцы постоянно повторяли: какие-либо попытки приблизить Россию-Евразию к европейской цивилизации не должны вести к утрате ее собственных начал и духовных ценностей. Всякие обращенные к русскому народу увещания о необходимости отказаться от собственных культурных основ ради слияния с европейской цивилизацией не только глубоко ошибочны, но и чрезвычайно опасны. Это неизбежно означало бы утрату культурной самобытности России, что, в конечном итоге, неминуемо обуславливало ее самоуничтожение.

Интересно, что современная попытка растворить Россию в Европе придает взглядам евразийцев особую актуальность. Мыслители, критикующие бездумное копирование европейских стандартов, заявляют, что, поскольку европейская цивилизация «в своем целом и есть главный и основной враг исторической России», бороться следует отнюдь не с какими-то отдельными, частными ее проявлениями. Бороться, по мнению Н.С. Трубецкого, необходимо «с самой европейской цивилизацией в ее целом, и особенно с основным духом этой цивилизации, и что средства для этой борьбы надо выбирать такие, которые сами не заключали бы в себе духа европейской цивилизации, так как иначе борьба оказывается нецелесообразной» [Трубецкой 1995: 260]. При этом евразийцев будущее России, конечно, интересовало значительно более будущего Европы.

Формируя свои идеи на буквально шокирующем многих антизападничестве, они резко выступали, прежде всего, против европоцентризма. Указывая, что подражатель всегда менее интересен творца, евразийцы заявляли: «Народ не должен желать “быть, как другие”. Он должен желать быть самим собой... Каждый народ должен быть личностью. А личность единственна и неповторима. И как раз единственностью и неповторимостью своей ценна для других» [Савицкий 1997: 102]. При этом мыслители уточняли, что развитие отечественной культуры было бы неправильно рассматривать «безотносительно

к окружающим народам». Ибо лишь на фоне мирового культурного многообразия можно обнаружить ее подлинное величие.

Список литературы:

1. Вернадский Г.В. Русская история. - М.: Аграф, 1997.
2. Пушкин С.Н. Этнос и этногенез в творчестве Л.Н. Гумилева. - Нижний Новгород: НГПУ, 2007.
3. Савицкий П.Н. Евразийство: Опыт систематического изложения // Мир России-Евразия: Антология. - М.: Высшая школа, 1995.
4. Савицкий П.Н. Континент Евразия. - М.: Аграф, 1997.
5. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. - М.: Издательская группа «Прогресс», 1995.
6. Трубецкой Н.С. Верхи и низы русской культуры: Этнические основы русской культуры // Исход к Востоку. - М.: Добросвет, 1997.
7. Флоровский Г.В. О патриотизме праведном и греховном // На путях: Утверждение евразийцев. - М. - Берлин: Геликон, 1922.